

Елена Ромашова

INTERZONE

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Елена Ромашова

Interzone

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Ромашова Е.

Interzone / Е. Ромашова — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-05872-9

Мистическая история про трех совершенно разных женщин, у которых есть кое-что общее. Только что? Изабель - модель, пытающаяся выйти на новый уровень профессии. Кэтрин - главный инженер-подрывник, живущая работой, приступающая со своей командой к демонтажу исторического здания. Барбара - детектив, которая обнаруживает, что маньяк, которого она искала три года назад, снова вернулся. Три женщины. Три истории. Один знаменатель. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-05872-9

© Ромашова Е., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Кот Шрёдингера	5
Изабель	6
Изабель	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Кот Шрёдингера

"Можно построить и случаи, в которых довольно бурлеска. Некий кот заперт в стальной камере вместе со следующей адской машиной (которая должна быть защищена от прямого вмешательства кота): внутри счётчика Гейгера находится крохотное количество радиоактивного вещества, столь небольшое, что в течение часа может распасться только один атом, но с такой же вероятностью может и не распасться; если же это случится, считывающая трубка разряжается и срабатывает реле, спускающее молот, который разбивает колбочку с синильной кислотой. Если на час предоставить всю эту систему самой себе, то можно сказать, что кот будет жив по истечении этого времени, коль скоро распада атома не произойдёт. Первый же распад атома отравил бы кота. Пси-функция системы в целом будет выражать это, смешивая в себе или размазывая живого и мёртвого кота (простите за выражение) в равных долях.

Типичным в подобных случаях является то, что неопределённость, первоначально ограниченная атомным миром, преобразуется в макроскопическую неопределённость, которая может быть устранена путём прямого наблюдения. Это мешает нам наивно принять «модель размытия» как отражающую действительность. Само по себе это не означает ничего неясного или противоречивого. Есть разница между нечётким или расфокусированным фото и снимком облаков или тумана."

Википедия.

Перевод Schrödinger E. Die gegenwärtige Situation in der Quantenmechanik [Teil 1] («Текущая ситуация в квантовой механике» [Ч. 1]) (нем.) // Naturwissenschaften. – 1935. – 29 November (Bd. 23, H. 48). – S. 807-812. – DOI:10.1007/BF01491891.

Изабель

Первое, что ударяет в нос, когда выходишь на этаж агентства, не запах дорогих селекционных духов, а запах сигарет. Тяжелый. Горький. Сытный.

Сколько бы не боролись с ним, но из-за неправильной планировки воздухоочистительной системы и огромного количества людей в комнате для курения запах, все равно, вырывается наружу к дверям лифта, чем сильно беспокоит новичков, зожников и родителей несовершеннолетних. Прежде чем толкнуть прозрачную тяжелую дверь, на вас психологически давят, будто выпрыгивающие с черной таблички, отполированные слезами и нервами подчиненных, блестящие, как скальпель в руках хирурга, острые буквы: «NEW STARFACE AGENCY».

Бывалые уже блюют прям при входе от одного взгляда на эти буквы.

От запаха табака, я еле сдерживаю крик злости и в отражении букв вижу свое перекошенное лицо. Но, сделав усилие, наконец-то, надеваю маску «Идите в жопу».

Этот навык у вас вытренировывается где-то через год, если вы выживите в этом акульем бизнесе.

Толкнув дверь, я оказываюсь в псевдо-занятом мире. Дабы добить новичков, которые чуть ли не ссутся от одного названия агентства, вы видите огромный ряд фотографий знаменитых моделей, которые работали тут. И тут, по идее, на тебя снисходит благодать, будто ты в святилище! Что ровно пять-шесть лет назад, вот так же, как и ты, приперлась никому неизвестная Инга Вай через эту стеклянную дверь и табачный дым, и она не знала, что станет лицом Шанель и будет показывать трусы и лифчики от Виктории Сикрет. Так что у тебя есть шанс, детка! Ты вытащила золотой билет!

Но эта фигня работает ровно первые два-три раза твоего прихода в агентство. Затем ты уже врываешься, как будто уже стала звездой, но с каждым посещением с тебя старательно сдирают самооценку, притом не завышенную, а адекватную. И если ты не свихнешься, то через года-два ты будешь, как я, приходить и люто ненавидеть этот офис и людей.

В руке у меня бук, или, попросту, книга. За плечами в рюкзаке туфли на высоченном каблуке, которые покупают либо стриптизерши, либо модели. Адекватные женщины не додумаются такое носить в принципе.

– Иза! – Орет фальшиво-радостно Норман.

Я тут же наскребаю усилием для ответной улыбки.

– Норман!

– Как ты, сладкая?

Он прилипается ко мне, легко обнимая и душа ароматом DKNY.

– Вчера получили твои снимки от Джоша. Есть пара хороших для твоего бука.

Он тут же кидается к компьютеру и щелкает мышью. На экране быстро мигают окна вкладок. Наконец-то, останавливаются, и на мониторе возникает отфотошопленная я.

– Смотри! Не плохо! А? Здесь ты смахиваешь чем-то на Каролину... Тот же поворот головы, спокойствие, немного королевского дермеца во взгляде! Сильный снимок!

«Королевское дермецо» – так Норман называет гордыню, надменность, стервозность, сучность и прочее. Но этих слов в его словаре нет. У него много чего нет в словаре, но жить ему это явно не мешает.

– А тут? Глянь, детка! Прямо огонь! Динамика, сила, мощь!

Я теперь пялюсь на себя, задрвшую ногу для прыжка и отбросившую назад юбку. Я вспоминаю, как Джош заставил меня заорать в студии для снимка. А затем после пары кадров потребовал снимки топлес. Так всегда. Ты подчиняешься, ты снимаешь с себя всё или почти всё и делаешь якобы художественные кадры, которые нигде потом не появятся, а Джош попрощается с тобой с явно набухшим членом в штанах и уйдет в туалет дрочить. Так всегда.

Все это знают. Все молчат. Это цена за снимки. Притом, если ты понравишься Джошу, он тебя передаст мрачной молчаливой и знаменитой Ми Су, которая проведет с тобой лишь пару минут, а на выходе ты получишь фотографию достойную обложки VOGUE. От ее снимков сходят с ума. Она та, которая куёт топ-моделей.

Каждая модель ждет, что агент скажет, что Джош передал тебя Ми Су.

И я тоже.

Потому что всё осточертело.

– У меня для тебя потрясающая новость!

Я загибаю дыхание.

– Тобой заинтересовался «Kiz»! Они ищут кого-то с твоим типажом. Мы им уже скинули портфолио и свежие кадры. Тебе надо будет прийти завтра на кастинг вот по этому адресу.

Он радостно начинает строчить на клочке бумажки адрес и время. А я стою разочарованная и оплеванная: не Ми Су. Хотя Kiz – это круто, но уже не для моего уровня. Я уже хочу вырваться из рекламы! Я вполне могу рекламировать те же самые лукбуки, но для Армани, Келвин Кляйна, Лагерфельда и Сен-Лорана.

Все это знакомо. Самый большой куш был у меня в позапрошлом году с Прада. Но увы, это была мужская коллекция и я не зацепила никому глаз.

– Вот! Держи! – Нортон протягивает мне бумажку. Я делаю вид, что внимательно прочла. – И еще, детка, что у тебя с инстаграмом?

– А что с ним?

– Тухлый! У тебя мало народу. Ты же знаешь, что твоя работа – это торговля своим лицом. Больше селфи, больше сексуальности.

– Нортон, мой аккаунт – делаю, что хочу!

– Я все понимаю. Даже странный психозный контент имеет популярность! Ты, типа, художник, ты так видишь. Но то последнее видео с блюющим парнем, детка, с тобой так ни один высокий дом не подпишет контракт! Зачем им рекламировать одежду на модели, у которой в инсте блюющий парень?

– Я художник, Нортон. Я так вижу.

Он цыкает и разочарованно качает головой.

– Запомни, Иза, я тебе не враг. Мы тебе не враги! Мы наоборот хотим тебе успеха.

Ага. Куда они денутся?! Конечно! Все хотят мне успеха: и Нортон, и дровичий Джош, и стервозная Клаудия, и даже Инга Вай с фото у двери. Одна я такая сука, противлюсь им и пытаюсь все еще отстоять право на себя.

– Ты принесла туфли?

– Да.

– А купальник?

– На мне.

– Тогда пошли делать поларойды.

О! Поларойды – особый вид унижения. Сначала ты в майке без макияжа в анфас, в профиль, в позе, а затем проделываешь все тоже самое, но в купальнике. Клиент должен знать товар! А затем все эти убогие фотографии выкладывают на сайт, чтобы агенты, стилисты-визажисты и остальные могли разглядывать тебя в деталях.

Я с безразличием делаю всё, что указывает Нортон.

Легко раздевшись, я позирую на камеру, пока не ловлю цепкий взгляд девушки. Всё ясно: новенькая! Она с любопытством патологоанатома изучает каждое мое движение плеч, рук, ног. Мне это добавляет злорадства. Скоро эта мелкая так же будет вертеться в одних трусах перед Джошем, Карлом, Балановым, Злотовски и остальными фотокамерными онанистами, некоторые, может, попытаются уложить ее в постель, и тогда она поймет, что в модельном мире ты просто тело и лицо.

Покажи мне страсть! Покажи грусть! Покажи раскаяние! Покажи грудь! Покажи, что между ног!

Покажи.

Огромная очередь в KIZ из девушек занимала весь коридор. Мы, как всегда, ждем. Идет третий час. Среди них были и знакомые лица, и новые. Здесь снова была Камилла и много русских с Нова Менеджмента. Все то же самое, как и всегда, только декорации другие. Таня сидит со мной на полу и крутит кубик Рубика. Я закрыла глаза и откинулась к стене, мечтая впасть в кому. Девушки постоянно галдят, смеются, кто-то поет песни. Внезапно гомон затихает и повисает напряженная тишина, я открываю глаза и вижу, что в коридоре стоит женщина с бумагами и ждет, когда все ее заметят.

– Добрый день, девушки! Извините, что вам пришлось так долго ждать. Из-за пробок не все смогли приехать вовремя. Снова извиняемся за заминку.

Никто не возражает, хотя ее тон не говорил о раскаянии, а нам было наплевать на извинения. Это всегда так. Ни разу кастинг не начинался вовремя.

– Вы сейчас проходите в зал и садитесь на скамьи. Вас будут вызывать по списку. Когда назовут ваше имя, вы отдадите бук, покажете проход и сделаете позу на камеру...

– Какую? – Тут же озвучивает кто-то вопрос, который возник у всех.

– Любую! Делаете поларойд. Возможно, вас спросят что-то. Затем проходите и садитесь на скамью. Понятно?

– Да.

– Не упрашивать, глупых вопросов не задавать, не ругаться с агентами! Любое лишнее действие будет против вас!

Она разворачивается на пятках с высоко поднятой головой, показывая свою важность. Так всегда! Все в этой индустрии стараются унижить, все завидуют, что ты стройная, высокая и хорошо получаешься на фотографиях. И не важно насколько красива! Ты для них цель поиздеваться, отомстить за свой короткий рост и кривые ноги, за то, что мы заставляем их чувствовать себя толстыми. Поэтому такие менеджеры, как эта дура, непременно найдут момент поизмываться над тобой: не пустить в туалет или, наоборот, направить в мужской, высмеять опоздание, лишнее слово или вопрос могут дать неправильный адрес, не сказать время, имя, номер телефона. И в этом будет полностью твоя вина, не ее.

Двери открываются, и нас зовут внутрь зала. Мы, словно цокающая конная гвардия, заходим в большое помещение с огромными окнами от пола до потолка. Здесь явно когда-то был цех, который видоизменился в лофт. В конце стоял стол, за которым сидели двое мужчин и женщина. И я вам отвечаю, решающее слово будет за ней. Трендсеттеры, маркетологи, дизайнеры и ОНА – неизвестная дамочка, у которой яйца больше, чем у них всех взятых. Менеджер на каблуках снова берет слово: банальщина о том, какие мы везучие сучки раз сидим на этих грубых идиотских скамьях в присутствии людей, которые руководят KIZ – массовым производством шмотья, которое шьют бедные замученные люди Индии и подышают прямо за машинкой. Затем менеджер дает слово мужику. Типичный незапоминающийся представитель фэшн-индустрии: черная кожаная куртка, безликая майка, стрижка волос к волоску, легкая небридность. Мы улыбались вытренированными улыбками, в надежде, чтобы он поскорее заткнется и начнется кастинг.

Нас вызывали по спискам. На каждую девушку уходило чуть меньше минуты. Среди нас были и знаменитости, и быути-фэшн-лайф-кайф-посмотри-какая-я блогеры, и девушки с таким пробегом по подиуму, что я всегда задавалась вопросом – зачем они тут? Ради денег или уже по привычке?

Я тяжело вздыхаю. Хочется есть, курить и быть там, где могу быть собой. Но моя главная проблема – я не умею по другому зарабатывать. Таню назвали быстро. А до меня очередь все еще шла.

– Изабель Ханге¹.

Как же я ненавижу свой псевдоним! Все произносят его как «голод». Тупое имя выбрал Норман, посчитав, что это будет очень подходить моему «фирменному злomu взгляду». На самом деле я Изабель Розенцвайг. Мои еврейские корни выдают нос и вьющиеся волосы.

Я выхожу и представляюсь, протянув свой бук. Все трое скользят по мне взглядом и утыкиваются на фотографии и список моих клиентов. Скажу честно, список у меня хороший: Zaga, Uniqlo, H&M, Prada, Topshop и так далее. Я – типичная рекламная модель, которая жаждет больше. Меня не берут на подиум, так как мой типаж не фаворе там. Но в моделинге всегда есть место исключению. К тому же я не раз была на обложках журналов. Но на этом карьеру не построишь.

– У вас довольно большой список и сильные фотографии. Вы работали с Burberry?

– Да, представляла кампэйн аксессуаров.

Они перелистывают бук, показывая друг другу то, что понравилось, при этом одобрительно кивая и мыча.

– Хорошо. Пройдитесь.

Я разворачиваюсь на каблуках и иду до точки, а затем от нее на них с гордо поднятой головой и расфокусированным взглядом в даль. Останавливаюсь, и в голове автоматически звучит голос Марии: «Поза! Поза! Разворот!»

Я проделывала это миллионы раз. Подиумная походка – она, как езда на велосипеде; и самое противное, эта привычка неконтролируемо лезет из тебя. Модели шутят, что стоит оказаться в прямом коридоре, как включается режим подиума – и ты уже через пару секунд понимаешь, что вышагиваешь, ставя стопы одну за другой и уводя бедра, как тебя учили. Это кошмар!

– Очень хорошо! А теперь снимки.

Менеджер делает пару щелчков на камеру.

– Отлично! – Снова доносится одобрение.

¹ Ханге созвучно англ. hunger

– Скажите, чем вы отличаетесь от других девушек? – Задает вопрос мужик, сидящий с краю в кожаной куртке и рыжей щетиной.

Его прищур бесит. Он считает себя Богом, высшим существом в данный момент, а я его клоуном, шутком. «Рассмеши меня! Удиви меня! Порази!» – вот, что говорит он на самом деле. Я знала ответы на этот вопрос, но ни один из них не достиг бы цели. Он остался бы неудовлетворенным, а я плохо сработавшей проституткой.

Как меня это всё достало! Во мне закипает гнев.

И я не справляюсь.

– А вы? Чем вы отличаетесь от остальных за столом?

– Миссис Ханге! – Доносится твяканье менеджерши: конечно же, она испугалась, запуганное и молящее о работе существо внезапно вспомнило о собственном достоинстве.

– Я первым спросил. – Он не сводит с меня глаз. Я вижу блеск садиста в его глазах: я нарушила правило, но он рад – хоть что-то произошло за этот мертвенно-скучный день.

– Я не знаю ответа... Может, вы подскажите? – Наигранно пасую я.

Он ухмыляется и откидывается на спинку, скрестив руки на груди.

– Я главный кастинг-менеджер бренда KIZ: я – директор по маркетингу.

– И всё?

Мой вопрос был груб.

Модель не имеет права показывать усталость.

Модель не имеет права показывать раздражение.

Модель не имеет права голоса, потому что модель – это товар для продажи другого товара.

– Мисс... – Он спотыкается на полуслове – забыл мое имя. Моя карточка и книга тут же подсказывают ему.

– Изабель, вы ведете себя...

– Не профессионально. – Заканчиваю я за него.

Меня тут же смотрят три пары глаз, их взгляды острые, будто нож у горла. Они осознали, что перед ними не очередная обезьянка, и я продолжаю:

– Разве вы, когда спрашивали, чем я отличаюсь от других девушек, реально хотели узнать меня? Вы сказали, что вы – директор по маркетингу, но для меня вы ничем не отличаетесь от директора другого бренда. Так же, как я не отличаюсь для вас от других моделей. Так как мне вас заинтересовать?

– А вы хотите меня заинтересовать?

– Да! Тогда меня не было бы здесь.

– Так чем вы отличаетесь от других, Изабель? – Подает голос тетка с краю.

Получилось. Я поворачиваюсь и слегка улыбаюсь ей:

– Наверное, уже тем, что в отличие от остальных девушек, вы запомнили мое имя из всей этой толпы. Изабель, меня зовут Изабель Ханге.

Я мило улыбаюсь им. Они расслабляются и тоже улыбаются в ответ.

Мы друг друга поняли.

– Вы наглая.

Я согласно киваю:

– Да, но только когда нужно.

– Спасибо, мисс Изабель. Вы свободны. Мы свяжемся с вашим агентом.

Я киваю на прощание и ухожу. Я ощущаю спиной колкие взгляды девушек и их смешки. Для них я выскочка. Но мне все равно.

Первое, что я делаю после кастинга, это переобуваюсь в кеды. Второе, набираю номер Тани.

– Ты закончила?

– Да. Ты где?

– В двух кварталах сию в «Гидеоне».

– Сейчас буду. Закажи мне гамбургер с кровью. Я голодная.

Я ждала звонка на следующий день. Потом второй, третий. Но агент так и не позвонил. Я провалила прослушивание. Испытывая муки совести, что своей дерзостью завалила все и осталась без денег, даже удалила блюющего Джея из своего инстаграма и сделала милое селфи, чтобы повысить себе рейтинг. В итоге, подписчики увеличились, но не намного.

Я надеваю солнечные очки и поддвигаюсь к Тане, наводя камеру телефона. Подруга тут же замирает и поворачивает лицо своей «рабочей стороной» – легкий поворот влево и взгляд из-под бровей.

Камера моментально срабатывает.

Сняв очки, я кладу их на полку. А затем начинаю обрабатывать в приложениях фотографию, добиваясь нужных цветов и глубины. Снимок должен выглядеть крутым.

– Стараешься?

– Решила попробовать. Все-таки правда в словах Нортона есть. Некоторые модели живут рекламой в инсте.

Таня пожимает плечами: мол, дело твое, мне без разницы.

– Только не становись, как Тилан! – Донеслось до меня через пару секунд молчания. – Она даже прокладки за деньги на своем аккаунте рекламирует.

Мы битый час слонялись по центру от скуки. Я хотела набрать Нормана и спросить, но не решалась. Если бы что-то было, он бы позвонил. Возможно, он уже в курсе моего непрофессионального поведения на кастинге – тогда точно звонить не стоит.

– Поехали со мной в Кармен Лэйкс.– Неожиданно предлагает Таня.

– Что?

– Кармен Лэйкс в двух часах отсюда. Небольшой городишко. Меня Стивен пригласил. У него дом у озера там.

– Зачем тебе это?

– Ты не устала от самой себя? – Спрашивает она, остановившись и заглядывая в глаза.

Я прислушиваюсь к себе, а Таня продолжает:

– Я устала. Мне нужно понять, что делать дальше. Я же на этих долбанных антидепрессантах, которые не помогают! А Стивен просто ляпнул про дом у озера, про тухлый городишко, и знаешь, я хочу убежать.

Я смотрю на Таню. Она одета во все черное, стильное, в ухе поблескивает пирсинг, ее глаза темно-карие, взгляд острый, цепляющий, и пухлые чувственные губы с острыми скулами. Она была успешнее меня, но ей не хотелось лезть в недра всего дерьма под названием мода. Ей хватало рекламы, лукбуков для нестандартных линий одежды, спортклубов, тусовок. Некоторые платили ей, если честно, мало, но шума вокруг она умела создать. И да, ей фортило на работу, на халявную еду, тусовки и шмотьё. Таня не напрягалась. С легкостью могла заночевать как в люксе, так и на автобусной остановке среди бомжей. Она была то самое новое поколение хипстеров: сегодня она отрицает религии, а завтра с легкостью может податься в буддизм, сегодня она пьет водку, а завтра станет проповедовать здоровый образ жизни. Школьницы в инстаграме

ее обожали и плодили ряд рисунков и картин по ее фоткам. Ах, да! Самое главное, она была одной из муз дома BALENCIAGA. Поэтому она не особо парилась сейчас, как я, по поводу работы и денег.

Но видно, я ее плохо знала...

– Я тебя не понимаю. Тебе не нравится, чем ты занимаешься?

– Ну... – Протянула она. – Знаешь... У меня ощущение, что я в болоте. Я хочу подумать, как себя еще больше реализовать.

Понятно. Я киваю в ответ.

Хм... Дом в тухлом городишке – неплохой вариант. Недели-двух хватит вполне, чтобы отдохнуть и понять, куда двигаться дальше.

– Так значит пиво, сериалы, чипсы и озеро...

– Ты забыла Стивена. Этот мудака будет рядом с нами.

– Отлично! И я буду слушать, как вы трахаетесь наверху? – Таня в ответ рассмеялась. – А форму не боишься потерять? Тебя твой агент расчленит, если узнает.

– Не боюсь. До недели моды почти месяц. Так что успею скинуть. Ну так что? Поедешь со мной?

Я задумалась, а потом выдала:

– Хорошо. Я согласна.

Мобильник все-таки зазвонил. Уже на выходе из торгового центра, когда мы обсуждали с Таней, что будем делать и смотреть, составляли списки фильмов и музыки. И тут он заорал «Комой» Guns N' Roses. Дебильный трек, который оставил мне мой бывший на моем телефоне. Поэтому не стерла, а урезала часть песни и поставила мелодию на своего агента.

Я мысленно приготовилась, как будет Нортон хлестко отчитывать меня о кастинге.

– Да...

Тишина. Звенящая, глухая, будто я приложила к уху выключенный телефон. На мгновение я даже отлепилась и посмотрела на экран – идет ли звонок. Но цифры на дисплее вели отсчет времени разговора.

– Алло?

– Иза! – Орет он неожиданно.

Я дергаюсь от динамика в мобильном:

– Вот дерьмо!

– Иза, ты меня слышишь?

– Да! Я тут.

– Я слышан, что ты сделала на кастинге для KIZ, и я должен тебя отчитать! Ты о чем думала? Это тебе не улица, не подворотня, чтобы вести себя так с кастинг-группой, будто ты звезда! Дорогая моя, даже звезды себе такого не позволяют!

Повисает пауза. Я ощущала, как на затылке взъерошились маленькие волоски, как горячо стало щекам. Это был стыд. Неприкрытый чистый детский стыд, забытый и стертый жизнью. Меня отчитывали, как в детстве. И было чертовски сейчас неуютно быть самой собой.

– Я... Нортон... Я думала...

– Я не знаю, чем ты думала, но, – он замер, а затем неожиданно гаркнул. – Получилось! Сработало! Даже больше!

– Что? Я прошла кастинг?

– Нет! О KIZ ты можешь забыть! Но там был Джеймс Монтгомери – он был директором по маркетингу до сегодняшнего дня. Оказывается, он давно планировал смыться из KIZ. И вот сегодня утром был звонок: он стал содиректором Тадеско Рици! Они полностью меняют бренд-стратегию! Им нужен кто-то, как ты, Иза! Ты понимаешь? Они просят тебя стать лицом бренда!

Он визжал мне в ухо, а я не понимала. Тадеско Рици... Я не припомню такого дома. И всё так быстро! Вчера еще некто был директором по маркетингу, а сегодня уже содиректор.

– Круто! Это классная новость! – Пытаюсь изобразить радость.

– Приезжай сегодня к шести в офис. Он улучил минутку для тебя. Хочет еще раз на тебя посмотреть.

Твою мать! Я мысленно прокладываю путь отсюда до дома, там мой рюкзак с книгой и туфлями, а затем до офиса. И надо это делать бегом!

– Хорошо. Буду.

Разговор резко обрывается, как и начинался. Я в полном замешательстве.

– Таня, ты слышала о бренде Тадеско Рици?

– Нет. – Но тут же достает телефон и приказывает Сири найти информацию. Мелодичный угодливый голос программы тут же выдает информацию: «Люксовый итальянский бренд, основанный в 97-м году Тадеско Рици. В 2005 права выкупил Limbus Group и пригласил дизайнера Такеши Тору, который до этого сотрудничал с такими домами как Prada, Jil Sander и Dolce & Gabbana».

Ссылка на новость, что у Тадеско Рици появился содиректор, шла чуть ли не первой. Сухо изложено, что Limbus Group поставил в управление Джеймса Монтгомери, который до этого был директором по маркетингу в KIZ. Что компания меняет «характер» линии одежды, и теперь станет более «минималистичной», «агрессивной», «вдохновленной новыми амазонками, 90-ми и рок-культурой».

Поняв, что это мне ничего не дает, я вслух посылаю всё куда подальше. И какая мне разница? Ведь я же получу деньги и контракт! Если только поспешу...

Я вваливаюсь в офис, даже не заметив табачного дыма у лифта. Одежда на мне взмокла от бега, бесящие меня зеркальные буквы агентства показывают мои красные щеки и растрепанные волосы. Себя бы привести в порядок, но времени нет. Хотя им нужна я, вот пускай и получают. Толкнув дверь, я пулей проношусь по залу, мимо стенда с карточками и других агентов, к столу Нортон. Он сидит на своем вращающемся стуле, обращен к окну.

– А! Вот и наша Иза! – Воскликает он, и я тут же читаю негодование в его глазах.

Я дышу, как астматик. Шутка ли пролететь половину Нью-Йорка?!

– Вы просили – я пришла. – Еле выдавливаю из себя.

У Нортон чуть глаза не выпадают от моей наглости.

– Вы устали. Отдышитесь... – Доносится знакомый баритон со стороны окна.

Я оборачиваюсь и вижу его – того самого мужчину, который спросил, чем я отличаюсь от остальных моделей – Джеймс Монтгомери.

– Здравствуйте, Изабель Ханге. Видите, я запомнил вас. А вы меня? Я теперь отличаюсь от остальных директоров?

Кажется, что я онемела и попала под гипноз. Теперь он стал более... детальным. Его голос звучит гуще и приятней, линия бровей четче, вообще, лицо Монтгомери в этом освещении видется острым, рельефным и запоминающимся. Я даже разглядела родинку на подбородке. Пока он говорит, я бесстыдно разглядываю его лицо и не могу понять: нравится он мне или нет. Джеймс Монтгомери был незнаком, но этот взгляд карих глаз, интонации, телосложение, будто из забытого сна – что-то родимое, что-то уютное. Даже что-то некогда любимое...

– Она может пройтись для вас. Ты взяла туфли?

Я киваю. Нортон достает пачку влажных салфеток для меня, желая скорее меня отогнать от Джеймса, чтобы привела себя в порядок.

– Не надо! Я все видел. У Изабель хорошая походка. Но не она мне понравилась. Мне понравилась ее дерзость и целеустремленность. – Я покосилась на него из-под завесы своих волос. – Но вы тихая сегодня... Я ошибся в вас?

– Вы не бежали через весь Нью-Йорк на своих двух. – Бурчу я.

Но он улыбается в ответ.

– Нет, не бежал, я делал подкоп. – Он засмеялся на свою же шутку, и Нортон подхватил смех.

Я ничего не поняла.

– С сегодняшнего утра, я содиректор дома Тадеско Рици. Слышали о таком?

– Да. – Вру я.

– Мы меняем концепцию бренда. Мы хотим создавать что-то более молодежное, дерзкое, целеустремленное. Одежду для таких, как вы, Иза.

– Кто, сломя голову, будет бежать пол-Нью-Йорка?

Он улыбается и делает щелчок пальцами.

– Именно! Вы мне очень понравились. Я планирую собрать группу из моделей, которые будут лицами, характером бренда. Попытаться сделать что-то на грани Виктории Сикрет, но как Эди Слиман для YSL или Рустен для Balmain.

Нортон тут же поддакивает с видом знатока. Я же не понимаю.

– Вы хотите продавать нижнее белье?

Мой вопрос их смешит.

– Нет! Виктория Сикрет делает своих моделями звездами. Я хочу сделать пиар-компанию не для одежды, а для своих моделей. Сделать тебя звездой. А ты будешь продавать одежду от Тадеско Рици своим поклонникам.

– А не проще ли взять уже раскрученную звезду?

– Проще! Но не интересно. Так делают все. К тому же звезда не заинтересована в своем успехе, она заинтересована в своем гонораре. А тут вы будете заинтересованы в продвижении себя и в продаже одежды, потому что это будет приносить вам деньги.

Я задумываюсь:

– Но вдруг кто-то из ваших моделей сбежит? Или ее перекупят?

– А для этого я заключу с вами контракт.

Вот оно что! Сделка с дьяволом. Логично! Я могу представить масштабы.

– А если я не стану звездой... Вы с меня последнюю шкуру снимете?

– Станешь. – Он произнес это так твердо, что я удивляюсь.

Это не типичная фраза для модельного бизнеса. Обычно потом идет «но», и самое трудное и важно говорится после.

Но (!) он не сказал.

Я смотрю на Монтгомери: он полусидит на подоконнике. Свет из окна бьет из-за него, делая его лицо и фигуру почти черной. На мгновение кажется, что есть только эти золотые слепящие лучи закатного солнца и мужская фигура, которая стоит напротив.

Так изображают святых...

Мое тело уставшее, застывшее, нечувствительное, будто я начала терять способность гравитации. Я бестелесная, лишь только глаза, которые смотрят на умиротворяющую фигуру мужчины у окна. Забытый сон... «Кэтрин, ты меня слышишь?»

– Думаю, завтра стоит пригласить юристов, чтобы обсудить и подписать контракт.

– Сумма для начала будет небольшая, но с увеличением объемов продаж будет увеличиваться под проценты.

Ощущение, что я уже в ловушке. После парения чувствую себя плохо. Я смотрю на кусок недоеденной шоколадки на соседнем столе. Она словно гвоздь, вбитый в белую стену – глаз так и цепляется за нее! Мне кажется, что я уже знаю ее вкус и вес, как захрустит под большим пальцем, разламываясь, если надавить.

– Каковы риски?

– Там будут строки по поводу ухода и срыва контракта: возврат в денежном эквиваленте.

Я словно расслаиваюсь. Закрыв глаза, пытаюсь логически объяснить свое состояние. Это просто испуг из-за давления подписывать контракт. Я устала.

Моя голова тяжелая. Хочется ласки. Хочется, как в детстве, подбежать к маме и потереться лбом о нее, чтобы погладила, как котенка, и поцеловала. Хочется домой. Куда-то в далекое и невозвратное. А свет из окна становится невыносимым. Он давит на меня. Уничтожает. Только голоса и боль в грудной клетке. «Мы вернули ее».

– Тогда завтра? В девять утра?

– Да. Мы будем.

Стол стеклянный, почти как у Нортон, только с тонировкой. Я вижу в нем отражение. Силуэт женщины. На мгновение пугаюсь, но понимаю, что это я.

Мои руки холодные. В последнее время я чертовски мерзну. Оглядываюсь, и осознаю, что сижу за столом в кабинете для переговоров. Передо мной сидят несколько мужчин в костюмах, Нортон, директор агентства и Джеймс Монтгомери, который пристально смотрит на меня, не

замечая никого и ничего. И легко улыбается, будто знает, что со мной происходит. Мне становится страшно, потому что я не помню, как я оказалась здесь. Почему я не помню? Куда делись более двенадцати часов? Зажмурившись, вспоминаю, что пришла в нашу съемную квартиру с Таней, что разговаривали, что утром я приехала сюда. Но все это лишь факты, будто кадры из забытого кино. Будто моя жизнь попала под монтаж. Что со мной?

– Изабель, вам останется поставить подпись и приступить через две недели.

Я смотрю на бумаги, которые пододвинули ко мне. И внезапно в голове становится ясно, я резко вспоминаю детали разговора юристов, директора, Нортон и Монтгомери. «Судя по вашим фотографиям, вам надо похудеть в ногах», «надо накачать пресс», «вы будете тренироваться на одной базе с другими моделями», «работать с диетологом и психологом», «в случае нарушения обязаны выплатить штраф». Ясность в голове обрушивается на меня, как пробуждение. Вашу мать! Это же победа! Я вытащила тот самый билет. Осталось лишь похудеть килограмма на два. А там по приезду начнутся тренировки и я буду в форме. Главное, не сойти с ума. Дальше начнутся фотосессии, прослушивание. И какой-то коучинг с психологами и диетологами. Высший разряд! Все круто и классно!

Я схватываю ручку и резким росчерками начинаю ставить подписи на договорах, пока снова не провалилась в беспамятство. Welcome to the panic room!

Изабель

Ветер дует в лицо. Свежий воздух бьет меня по щекам, вплетается в волосы, на скорости 50 миль в час вышибает из меня любые тревожные мысли, маниакальные-депрессивные заморочки, гадкие замечания и едкие чужие взгляды за весь день. Есть я и ветер. Дорога открыта. Мы едем. Возможно, расшибемся. Возможно, потеряем управление и уйдем в кювет. Но это лишь возможно.

Четыре колеса вертятся. Окно открыто. Свежий воздух бьет.

Солнце слепит, отражаясь от возбужденной от скорости, горячей машины. За рулем Стивен. Таня сидит рядом с ним, положив свои босые ноги на панель. Ветер задрал ее юбку и всем видны ее голубые трусы. Но нам плевать: Стивену, который не раз снимал их, Тане, которая привыкла, как и я, быть в одном белье на публике, мне, которая каждый день видела ее трусах, выходящей то из ванны, то вечером ложающуюся спать. Не все равно только проносающимся мимо машинам, где толстые мужья, везущие свои семьи на уикенд, замечали длинные ноги Тани и жадно разглядывали их. Ну и дальнобойщикам, которым сверху открывалось больше.

Я сижу сзади. Радио орет. Мы радостно подпеваем знакомым песням. Как будто старых друзей встречаем, стоит очередной любимой мелодии заиграть. И в этом движении я забываю о голоде. Все прекрасно, пока четыре колеса вертятся и есть открытое окно.

Это побег от самой себя.

Бордовые астры расцветали на чуть желтых обоях. Сетки на окна. Ощущение уюта, старого жилища, но все равно покинутого. Темное дерево повсюду: стулья, столы, полы. Родители Стивена сюда приезжают не часто, так как живут в Европе. Лишь иногда на пару месяцев. В доме полно статуэток. Будто застывшие жители этого дома: зайчики, собачки, овечки. Милые, но холодные трупы. Импульсы бывшей хозяйки заполнить пустоту дома и в душе.

Моя комната – детская сестры Стивена. Темно-красный и там. Чисто, просто, о том, что это была детской говорят застывшая кукла в шкафу и несколько томов сказок. Окно выходит на озеро. От дома идет сход к нему. Деревянный широкий настил из серых досок, и пришвартованная лодка свежего выкрашенного синего цвета, затянутая брезентом. Она еле покачивается на водной глади. Стивен сказал, что сосед пользуется ей.

Весь этот дом имеет шансы стать раем для меня.

Здесь было все и не было ничего. Идеальное место для побега! Только есть одно но: убежав, я прихватила с собой себя.

Поэтому этот дом имеет шансы стать для меня адом.

Таня входит и резким движением открывает окно. Рама поддается и со скрипом отъезжает вверх. В комнату несется воздух, наполненный запахами воды и пережаренной на солнце травы. Звук шелеста дерева врывается в комнату вместе с кислородом.

– Не жалеешь?

– Я пока еще не знаю...

– Стивен предлагает барбекю.

– Мне надо похудеть.

Таня смотрит на меня в упор с неприязнью. Мы обе знаем, что я сломаюсь.

Вечер. Воздух как отдельное блюдо или напиток. Белое сухое. Я счастлива, что пью не пиво. Вино нежно идет на голодный желудок, дурманя мой мозг. Я словно не в фокусе. Девочка-амеба. Белое сухое размазывает меня и растапливает прямо в плетённом лежаке. Я хохочу и смеюсь на любую тупую шутку Стивена. Музыка играет громко, хотя звук мы поставили на минимум.

– А соседи не нажалуются?

– Я предупредил полицейских и взял разрешение у соседей. Так что можно. – Отвечает Стивен и подмигивает.

– Ого! – Восхищается Таня зрелым поступком Стивена.

Парень сминает ее в своих объятиях и грубо целует. Запах пива, его тестерона и туалетной воды резко соединяются в воздухе и ударяют куда-то мне в солнечное плетение, что становится невозможно дышать и смотреть – завидно. Я очень хочу быть на месте Тани. Чтобы отвлечься, я отворачиваюсь, не дыша, и делаю огромный глоток из бокала. И белое сухое становится как укус.

Визг Тани сразу привлекает внимание. Стивен хохоча, тащит ее к причалу. Она неохотно вырывается, фальшиво крича возмущения. Солнце тянется к горизонту, взрывая все золотом и искрами.

Стивен и Таня стоят против света, лишь черные силуэты на фоне золотого слепящего озера.

Ртуть. Искры золота. Нимбы на иконах.

На секунду я вспоминаю Монтгомери и как он сидел против окна.

Все тот же свет. Все тот же цвет. И снова вижу глаза Монтгомери. Что-то до боли знакомое, щемящее где-то внутри, где сердце. Что? Что я забыла? Что это такое?

Стивен с криком кидает Таню в воду, а затем, издав победоносный дикарский крик, прыгает вслед за ней. Слышится второй громкий всплеск воды. И крики сменяют хохот.

– Ты чокнутый! Ты чокнутый! Иза, спаси! Иза!

Не выпуская бокал из рук, я лениво встаю с лежака. Мои ноги босые, они ощущают все: горячий камень плитки, мягкий ворс газона, кипяток сухих досок. Я подхожу к самому краю причала. На сухой поверхности дерева темные пятна воды и небольшие лужицы, а мои обожженные ступни наконец-то ощущают милосердную прохладу. Само озеро искрится и отдает воздуху свежесть. Стивен и Таня барахтаются, разрывая брызгами ровную гладь.

– Иза! Давай к нам! Прыгай.

Я смотрю на них и ощущаю онемение в ногах.

– Нет.

– Эй! Ты чего?

– Я плавать не умею.

Это правда. Я помню, как вода утягивает вниз, как накрывает и давит, а ты в панике пытаешься грести руками и ногами.

– Мы тебя научим!

Небольшой глоток из бокала, и делаю вид, что мне скучно. Направляюсь к лежаку, но чувство воды, что была близка к этой смертоносной для меня стихии, оставляет тревогу и волнение. Поэтому обещаю самой себе, что пока я тут, близко не подойду к воде и к причалу.

Луна подрагивает на водной глади из моего окна. Доносится звук сверчков и проезжающей машины вдалеке. По дребезжащему звуку делаю вывод, что это едет какой-то грузовичок. Желудок уже не сводит от голода. Просто ощущение, что он слипся внутри и превратился в ненужную трубуху. Я расчесываю свои влажные волосы после душа. Расческа мерно скользит по их длине, иногда застревая в спутавшихся локонах и чуть потрескивая. С кровати виден коридор и дверь ванной. Там сейчас Стивен чистит зубы, судя по звукам. Это стрекотание сливается с потрескиванием моих волос в особую странную мелодию. Я закрываю глаза и наслаждаюсь.

Таня уже спит пьяная до слюней. Нам ее пришлось укладывать в кровать, так как она отключилась прямо в шезлонге.

Внезапно мобильник издает сигнал, и я от испуга дергаюсь. Экран загорается голубым светом и показывает текст сообщения с неизвестного номера:

«Надеюсь, вы хорошо устроились и отдыхаете. Вы очень красивая девушка, и синяки под глазами вам совершенно будут не к лицу :)))»

Я пялюсь на экран, пытаюсь сообразить, кто мог мне написать в час ночи, да еще так вежливо. Решила грубо не спрашивать.

«Спасибо, всё хорошо. Вы кто?»

В ванне раздается шум душа. Стивен полез мыться.

Экран снова зажегся с раздражающим звуком. Я выключаю громкость и открываю сообщение:

«О! Вы тоже не спите в эту ночь? Это Джеймс Монтгомери»

Ничего себе! Я не верю глазам. Неужели он из тех, кто таскается за моделями и пытается их склонить к сексу?

Но я не успеваю проанализировать Джеймса, как тут же приходит еще одна SMS:

«Вы не против, что я пишу вам? Очень хочется поговорить с кем-то»

Перед глазами вспыхивает образ стоящего мужчины против света.

«Я не разговариваю...» – Начинаю набирать текст, но тут же передумываю. Нужно вывести, что он хочет. Монтгомери явно надеется на звонок. Или же не отвечать ему? Последнее кажется разумным. Я откладываю телефон. В этот момент раздаются щелчки замка, и из ванны выходит Стивен, бесстыдно замотанный в одно полотенце. Увидев меня и то, что я смотрю на него, он широченно улыбается своей отбеленной улыбкой и игриво подмигивает. У меня перехватывает дыхание от возбуждения. И я улыбаясь, подмигиваю в ответ. Но телефон тут же жужжит вибросигналом, отвлекая меня от Стивена.

Этот Монтгомери надоел! Маньяк! Определенно!

«Простите меня. Я пьян. У меня личная трагедия»

Я злобно печатаю в ответ:

«Вы напрашиваетесь на сочувствие?»

«Нет. Просто я один»

«Идите в бар. Там много людей»

«Я не сяду в таком состоянии за руль»

Внезапно экран гаснет, отразив в черноте дисплея мое нахмуренное лицо. Выключился? Батарея же была полная! Я начинаю с силой нажимать на кнопку включения. На третьем разе экран медленно включается, но вместо заставки зажигается синий фон с зеленой трубкой – идет звонок. Не успеваю, отклонить, как тут же картинка показывает огромные цифры, которые начинают отсчет времени разговора, и из динамика слышится мужское: «Алло? Алло?».

Сердце ёкает, и я испуганно прикладываю аппарат к уху.

– Да-да! Я вас слушаю.

– Спасибо, что позвонили, Изабель. Простите меня, что достаю. Но я совершенно один и некому выговориться. Почему-то вспомнил о вас и вашем взгляде. Вы тогда так смотрели на прослушивании... Я подумал, что вы можете стать моим собеседником...

– Простите! Но это вы мне звоните! – Я зла от этой ситуации.

Его тихий вкрадчивый голос еще больше выводит из себя. Надо дать ему понять, что ни один контракт не дает ему повод считать меня проституткой или что он себе там напридумывал.

На том конце раздается смешок.

– Нет, Изабель, это вы позвонили!

Я на секунду отклоняюсь от мобильного и смотрю на экран. В самом внизу значатся две стрелочки зеленая и красная, и судя по тому, как мигает зеленая, то и вправду звонок идет с моего телефона.

– Черт... Слушайте, в моем мобильнике прошел глюк! Он вас сам набрал! Не я. Короче, этот звонок – ошибка, неисправность моего аппарата. Я не собиралась вам звонить. И я хочу сказать, что я не сплю и не встречаюсь с менеджерами, агентами и работодателями. Поэтому все ваши попытки приударить за мной, а потом шантажировать – не прокатят. Любое домогательство – и я подам на вас жалобу! И никакой контракт меня не удержит!

– Моя жена умерла... – Доносится из трубки, я замираю на вдохе.

В трубке слышно позвякивание с журчанием и шорох. Наверное, выпил залпом свой «антидепрессант».

– Мои соболезнования. – Выдавливаю из себя, понимая, что как-то нехорошо получается:

у человека горе, а я его причисляю к мудакам фэшн-индустрии.

– Вообще-то, она ушла от меня месяц назад! Мы должны были развестись. Уже готовы были документы, а вот сегодня узнал, что зря тратился на адвоката.

Шутка дебильная, если честно. Я не рассмеялась, в отличие от него. Его смех был не веселый, горький и пьяный.

– Она ушла тогда. Мы крупно поссорились. Я тогда заорал, чтоб она сдохла, что ни копейки не получит... Я не думал тогда...

– Да ладно вам, мистер Монтгомери! Все мы иногда дерьмо! Сколько я раз желала смерти Нортону или своей подруге! Ничего! Оба живы!

– Джеймс...

– Что? – Не понимаю, почему он назвал свое имя.

– Называйте меня, Джеймс. Хорошо, Изабель?

– Окей.

Я не предлагаю в ответ называть меня Иза или как-то еще. Я понимаю, что ему стоит выговориться, и, если честно, мне его жалко. Но это не повод для сближения. Хотя его грустный голос словно обволакивал меня и очаровывал.

– Я думаю, она была хорошим человеком, раз... – Начинаю я в ответ, но Джеймс хохочет.

– Она была шлюхой! Та еще блядь! – Неожиданно резко гаркает он. Затем снова слышится звук стекла и всплеск. – Я ее постоянно ловил с любовниками. Последний раз застукал с собственным братом! Мой брат трахал ее прямо у нас в кровати.

И слышится в трубке тяжелый глубокий глоток. Наверное, либо виски, либо джин пьет. От услышанного, да еще в такой форме, которое совершенно не вяжется с воспоминанием о Джеймсе, я не выдерживаю и хрюкаю от смеха.

– Вы смеетесь? Вы смеетесь!

Я резко замолкаю, боясь реакции с его стороны. Хочется всё отрицать. Но тут же беру себя в руки: вот еще оправдываться!

– Знаете, за те пару минут, которые мы с вами разговариваем, я ничего хорошего не услышала о ней.

На том конце повисает пауза, а затем тихий успокоившийся голос Монтгомери:

– А в ней не было ничего хорошего. Жадная, неверная, любила только деньги.

– Теперь она мертвая. – Напоминаю я.

– Мертвая жадная шлюха...

Я снова не сдерживаюсь и прыскаю со смеха. Но Джеймс смеется вместе со мной.

– Знаете, Изабель, я ее любил. – С горечью произносит он на том конце. – Не знаю... Когда я ее встретил, мне было все равно, что ей нужны деньги, чем я сам... Она была красивая! Ноги, тело, волосы...

На меня резко накатывает жуткую усталость, давящая на слипающиеся веки. Вот уж слушать нытье о его дурости и как он любил ее я не собираюсь! В конце концов, пора спать. Словно прочитав мои мысли, Джеймс громко вздыхает:

– Я вас задержал. А уже поздно.

– Да, уже второй час...

– Спасибо вам, Изабель! – И отключается.

Я глазею на потухший дисплей. Разговор как начался неожиданно, так же неожиданно закончился. Вот ведь! Пьяный идиот! Может и к лучшему, что позвонил? По крайней мере, дружеские отношения с начальством мне не подпортят карьеры.

Я прислушиваюсь. В доме стоит странная мертвая тишина, будто звуки уснули, даже машин проезжающих не слышно. Я замираю в этом вакууме. На мгновение меня берет паника, что я оглохла, поэтому судорожно веду рукой по одеялу. Услышав легкий шорох по ткани, я успокаиваюсь. Просто все спят.

Все. Кроме меня.

Изабель

Утро наваливается на меня еще в постели плотным горячим запахом яичницы и жареного бекона. Мысли вялотекущие, тело ватное, есть хочется, но желудок не подает признаков жизни. Первая стадия голода. Всё это знакомо, и не раз пройдено. Сначала отказываешься от еды, потом позволяешь себе маленькие порции, потом срыв, потом снова голодание с ужасным чувством вины и комплексом, что ты бессильная дура. Стандартная адовая спираль анорексички. Если сможешь удержаться после срыва и не вызывать рвоту, то ты избежишь булимию, идущую в комплекте.

Я выползаю и делаю слабые попытки утренней гимнастики. Тело качает и ведет, движения заторможены. Затем прямо в пижаме спускаюсь на кухню.

Я хоть и хочу сбросить вес, но снова оказаться под капельницей нет желания. Ненавижу иголки в теле.

На кухне суетится Стивен в одних шортах. Он слушает музыку в наушниках и пританцовывает в такт. Я, не сдерживая улыбки, останавливаюсь и наблюдаю, как он намазывает ореховым маслом хлеб и тут же откусывает. Его спина широкая, рельефная, мускулистая и загорелая. Хочется прикоснуться к ней и провести рукой. Горячий парень!

Вздыхнув, я подхожу к холодильнику и не остаюсь незамеченной:

– Доброе утро!

Стивен расплывается в улыбке. Зубы все ровные, белые, дорогие. Таня говорила, что он чокнутый на этой теме: куча средств для ополаскивания, нити, щетки, пасты, проверка каждые полгода у своего стоматолога.

– Как спалось?

– Нормально. – Я открываю холодильник и вижу пустоту потолок.

– Ничего нет, кроме масла и хлеба.

Я удивленно таращусь на него.

– А яичница? Бекон?

– Это надо покупать. Мы вчера всё съели. Надо снова затариваться.

Я недоверчиво смотрю на Стивена. Я отчетливо слышала запах еды! Он сожрал втихаря, а сейчас под дурака косит? Или у меня уже галлюцинации?

Я кошусь на раковину: там гора посуды со вчерашнего вечера, но «свежих» сковородок нет. Черт... Я смотрю на остатки пасты и кусок хлеба для сэндвичей. Есть это не хочу. Тут столько калорий, что все мои усилия будут за зря.

– Где Таня?

– Дрыхнет!

– Она до обеда проспит...

Стивен согласно мычит. Я снова кидаю взгляд на масло, которого осталось на дне банки.

– Ты можешь водить сейчас?

– А что?

– Давай за продуктами сгоняем?

Walmart. Прохладный ветер на стоянке и нагревающийся на солнце асфальт. Я привычным движением взлохмачиваю кудряшки. В стеклах витрин я вижу себя и остаюсь довольна: длинные худые ноги, шорты, черные очки, майка поверх тела задорно показывает, что на мне нет белья. Стивен выглядит скалой рядом со мной. Я вспомнила, как у меня была фотосессия для журнала, где пригласили мне в пару очень красивого парня. Но тот оказался геем. Это так задело, потому что никого идеальней я не встречала. Я была расстроена и сделала вывод: нельзя доверять красивым, в мире моды – дважды нельзя! А Стивен хоть и не моделирует профессионально, как мы с Таней, но тоже вхож в этот мир.

Мы окунаемся в прохладу здания, взяв тележку на входе. Камеры фиксируют каждое движение, колонки на одной ноте дружелюбно что-то поют, покупателей мало и они медленно бредут по проходам, будто в музее. В этом царстве жратвы и замороженных, мы со Стивеном начинаем бунтовать, как дети. Он сажает меня в тележку и начинает катать, ловя завистливые, возмущенные или равнодушные взгляды некоторых покупателей.

Затем мы кидаемся друг в друга чипсами и устраиваем дуэль на зефирных палочках. Когда Стивен останавливается возле прилавка с сыром, чтобы сделать выбор, звонит мой мобильник – резко, оглушительно, перебивая музыку из динамиков.

Наверное, это Таня очнулась в пустом доме и теперь пытается узнать, где мы.

– Аллю?

Но вместо голоса подруги звучит приятный бархатный голос Джеймса.

– Здравствуйте, Изабель. Это Джеймс Монтгомери.

Я напрягаюсь, превратившись в слух. Вот ведь черт! Он не спал, что ли?

– Я звоню, чтобы извиниться за вчерашние сообщения и разговор.

Его интонации, четкое произношение говорят, что он не пьяный. Хотя вчера тоже звучал, как обычно, если не считать, что ругался и рассказывал, каким способом имел его брат его же жену.

– Все нормально. – Стандартной фразой отговариваюсь от его извинений, хотя считаю это ненормальным звонить своим подчиненным и плакаться.

– Вам это не понравилось! Простите, я обычно не имею привычки звонить пьяным своим сотрудникам...

Дальше я не слышу, так как Стивен гаркает прямо над ухом, трясая передо мной пачкой сыра: «Ты какой предпочитаешь? Овечий Бри или из коровы? Или это не ешь?»

– Без разницы... – Шиплю я этому придурку, отталкивая его и состроив гримасу.

– О! Вы не одни? – Оживляется в трубке голос Джеймса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.